

ОБ ОБРАЗОВАНИИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ
ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ *

В о п р о с ы №№ 18 и 21: «Как протекали процессы смещения и смещения границ между тремя стилями в области литературной лексики и фразеологии со второй половины XVIII в.? В какой мере исторически оправдано предположение, что средний стиль русского литературного языка XVIII в. лег в основу русской национально-языковой нормы литературного выражения?»

Установленная М. В. Ломоносовым строгая регламентация языковых средств по трем стилям, выдвинутой согласно поэтике классицизма, еще не привела к созданию единых общенациональных норм русского литературного языка, что было серьезным препятствием на пути дальнейшего развития национального литературного языка. В связи с ростом культуры, науки, просвещения функции литературного языка во второй половине XVIII в. расширяются. Появление и развитие научной, публицистической, критической и подобной литературы, интенсивное развитие средних жанров художественной литературы (эклоги, элегии, стансы, рондо, песни, мадригалы и пр.) вызывают развитие и усовершенствование языковых средств среднего слога, который, в отличие от высокого и низкого стилей, должен был удовлетворять нужды самого широкого литературного общения в его письменной и устной формах. Постепенно средний стиль становится ведущим в общей системе литературного языка, оттесняя на задний план высокий стиль, признававшийся в поэтике классицизма основным и главным. Низкий же стиль в связи с ростом критического направления получает дальнейшее и блестящее развитие в творчестве А. П. Сумарокова, Д. И. Фонвизина, И. А. Крылова и других сатириков второй половины XVIII и начала XIX в. Такое перераспределение стилей по их значимости в системе литературного языка приводит к их тесному взаимодействию и к смещению установившихся границ между ними.

Процесс взаимодействия трех стилей, чрезвычайно сложный по своему характеру, протекал в направлении отбора и формирования единых норм национального литературного языка. Главная роль в этом процессе принадлежала среднему слогу, выступавшему в качестве связующего звена между высоким и низким стилями. В рамках этого слога отрабатывались те языковые средства, которые более всего соответствовали потребностям широкого литературного общения и которые затем начинали постепенно осознаваться как образцовые и обязательные в литературном языке. На этом основании Г. О. Винокур указывал в свое время на то, что именно на почве среднего слога в дальнейшем развилась и «окрепла традиция общенациональной русской речи, представлявшая собой новую, высшую ступень в процессе скрещения книжного и обиходного начал»¹.

Поскольку средний стиль должен был обслуживать нужды самого широкого литературного общения, в качестве средней нормы этого стиля принимались такие языковые средства, которые пользовались наибольшей распространенностью в разных сферах общенародного языка. Сюда прежде всего относится так называемая стилистическая нейтральная лек-

* Продолжение публикации ответов на анкету, опубликованную в № 4 за 1959 г.

¹ Г. О. Винокур, Русский язык, М., 1945, стр. 135.

сика. Эта лексика употреблялась в разговорной речи, а также в разных стилях книжной речи и объединяла их в общей системе языка. Сюда входили разные по своему происхождению слова, обозначающие людей по их родственным отношениям, по их служебному и общественному положению (типа *теща*; *дворянин*, *холоп*; *судья*, *секретарь*; *поэт* и пр.); названия предметов домашнего быта и обихода (типа *парик*, *зеркало* и под.); термины науки, искусства, церковного быта и церковной идеологии (типа *грамматика*, *цифра*, *музыка*; *церковь*, *крест*, *покаяние*, *рай*, *ад* и др.); названия предметов и явлений административно-хозяйственной жизни и военного дела (типа *поместье*, *суд*, *чин*, *закон*, *барыш*; *армия*, *устав* и пр.) и др. Сюда относилось также большое количество глаголов, имен прилагательных, наречий, местоимений, особенно таких, которые не имели синонимов в составе высокой книжной лексики (*летать*, *украшать*, *беречь*, *скрыть*; *строгий*, *приятный*, *нежный*; *спокойно*, *тихо*, *важно* и пр.).

В качестве второго основного пласта в словарном составе среднего слога выступала традиционно-книжная лексика, однако только такая, которая была широко распространена в различных жанрах и стилях книжной речи и, таким образом, являлась общелитературной. Сюда относятся преимущественно имена существительные, образованные посредством суффиксов *-ние* (*-ение*, *-ание*), *-ие*, *-тие*, *-ость* (*-есть*), *-ство* (*-ество*), *-ствие* (*-ствие*), *-тель*. Эти имена существительные никогда не были принадлежностью только высокого стиля: еще в XVII в. и ранее они употреблялись в разных жанрах письменности, в том числе в деловых бумагах, бытовых повестях и пр. В XVIII в. указанные суффиксы развивают большую продуктивность в рамках книжной речи. Словопроизводство при помощи этих суффиксов выступает как один из основных источников обогащения словарного состава среднего слога. В состав общелитературной книжной лексики входили и такие части речи, как глаголы (*уповать*, *страдать*, *провождать* и др.), местоимения и наречия (*сей*, *коликий*, *толикий*, *паче*, *коль* и др.) и другие разряды слов.

В произведениях среднего слога начинает использоваться и тот вид традиционно-книжной лексики, который к началу рассматриваемого периода всей поэтической практикой и теорией трех «штилей» М. В. Ломоносова был закреплен за высоким слогом. Это те высокие «славянские» слова, которые, по определению М. В. Ломоносова, не являлись «весьма обветшалыми» и были «вразумительны» грамотным людям. Одни из них использовались преимущественно в поэтических произведениях и, быстро устарев, вышли из употребления; другие получили широкое распространение в поэтических и в прозаических жанрах, в том числе в научных, философских, критических сочинениях, и закрепились в литературном языке.

К первой категории славянизмов следует отнести слова с неполногласными сочетаниями: *глас*, *брег*, *злато*, *власы*, *хладный*, *младой*, *драгой* и некоторые другие. Круг этих славянизмов сравнительно узок; они повторяются почти во всех поэтических произведениях разных стилей и используются здесь иногда наряду с их русскими полногласными вариантами для сохранения стихотворного ритма. Ср.: «Шел некто *городом*, но *града* не был *житель*, Из дальних был он *страв*» (Сумароков, Хвастун).

В поэтические произведения среднего, а затем и низкого стилей второй половины XVIII в. проникали также славянизмы типа *дщерь*, *длань*, *росс*, *нощь*, *стеязя*, *препона*, *чадо* и др. Употребление этих слов в среднем стиле во многих случаях было вызвано также необходимостью сохранения ритма или рифмы. Все эти славянизмы входили в состав традиционно-книжной лексики и в то время не воспринимались как устаревшие. Поскольку все эти слова имели соответствующие синонимы в русском языке, многие из них довольно скоро вышли из употребления, даже в поэтических произведениях. Лишь некоторые (*перси*, *стеязя*, *лобзание*, *уста*, *очи*,

ланиты и некоторые другие) сохранились в поэзии XIX в. как особые «поэтические» слова, придающие слогу стилистическую приподнятость.

В произведениях среднего слога, уже не только поэтические, но и прозаические, поступают из высокого стиля и такие славянизмы, которые прочно закрепились в словарном составе среднего слога, а затем и в русском литературном языке вообще. При переходе из высокого стиля в общее употребление они часто изменяли свои лексические значения. Так, например, слово *область* в высоком стиле встречается в значении «власть» (по глаголу *обладать*). В произведениях же среднего слога — в значении «пространство, подвластное кому-либо». Сходным изменениям подверглись слова *бремя*, *пленить*, *влачить*, *питать*, *хитрый* («искусный») и др.

Лексика среднего слога пополнялась и за счет лексики низкого стиля, являвшейся по своей основе разговорно-просторечной. Однако следует указать, что эти пополнения были в то время незначительны; проникали лишь отдельные слова, такие как *крушиться*, *кручиниться*, *кручина*, *тужить* и др., не имеющие грубой экспрессивной окраски. Те же разговорно-просторечные слова, которые имели экспрессивную окраску грубоватости, вульгарности, не поступали в средний слог в качестве его общеобязательной нормы, ибо наличие этой окраски вызывало стилистическую сниженность текста. Использование таких слов было возможно только с определенными стилистическими целями. Однако следует отметить, что уже тогда в среде передовых людей раздавались голоса в пользу более широкого вовлечения в сферу книжной речи элементов живого просторечия и обогащения ее за счет этих элементов. Еще А. П. Сумароков выступал в защиту более смелого использования в литературно правильной речи, которую он отождествлял со средним слогом вообще, разговорно-просторечных слов, не имеющих грубой экспрессивной окраски, а также народных пословиц и поговорок². Эти попытки не увенчались большим успехом, поскольку средний слог в то время формировался как слог книжной речи и разрыв между книжной и разговорной речью был еще велик. Только позднее, когда оформляется устная разновидность литературного языка, а живая разговорная речь подвергается процессу литературной нормализации, открываются возможности более широкого проникновения тех или иных средств разговорного просторечия в книжную речь и в литературный язык вообще.

Языковые средства, возникая, развиваясь и закрепляясь в рамках среднего слога книжной речи, постепенно распространялись и в живом разговорном языке. Воздействие книжной речи среднего слога на разговорную речь становится глубоким и интенсивным в последние десятилетия XVIII в., когда начинает формироваться устная разновидность литературного национального языка. В это время отдельные элементы общелитературной книжной лексики довольно свободно проникают в разговорную речь, утрачивают свой книжный характер и становятся стилистически нейтральными. При этом их лексические значения во многих случаях качественно изменяются. Из книжной речи в разговорную речь поступают целые категории имен существительных с указанными выше суффиксами *-ние*, *-тие*, *-ость*, *-ство* и др., но лексические значения большинства из них изменяются при этом в сторону конкретизации, опредмечивания. Так, слово *награждение* в значении отвлеченного действия употреблялось только в книжной речи, в значении же косвенного объекта данного действия («то, чем производится награждение») оно встречается и в книжной, и в разговорной речи, становясь, таким образом, стилистически нейтральным. Подобному процессу стилистической нейтрализации подверглись и другие имена существительные: *зрение*, *стихотворение*, *прошение*, *население*, *сообщение*, *обхождение*, *привидение*, *состояние*, *сочи-*

² См. А. Т. Кунгурова, К вопросу о роли А. П. Сумарокова в истории русского литературного языка, «Уч. зап. Удмурт. гос. пед. ин-та», вып. 14, Ижевск, 1958.

нение, отвращение, великодушие, предприятие, должность, человечество, ругательство, общество, качество, благодетель и мн. др.

В процессе смещения установившихся ранее границ между высоким, средним и низким стилями, между книжной и разговорной речью средний слог выступал как посредник, как определенный регулятор устанавливающихся и формирующихся единых норм национального литературного языка, хотя следует оговориться, что взаимодействие высокого и низкого стилей могло происходить и без такого посредничества.

Таким образом, смещение границ между тремя стилями, наблюдавшееся во второй половине XVIII в., отразило объективные законы развития русского литературного языка. Его наиболее жизнеспособные элементы синтезировались в единой системе литературного языка в качестве единых общепотребительных и общеобязательных норм. Полного смещения границ высокого, среднего и низкого стилей в то время еще не произошло (они в какой-то мере сохраняются и до сих пор), однако уже тогда создавалась база, реальные предпосылки для новой стилистической системы, характер которой в основном был определен уже в творчестве великого русского поэта новой эпохи А. С. Пушкина.

А. Т. Кунгурова
(Ижевск)

*

В о п р о с № 21.

Распространенное положение о том, что в основу русской национальной языковой нормы литературного выражения лег «средний» стиль русского литературного языка XVIII в., основано, как кажется, главным образом на чисто логической отвлеченной оценке процессов развития русского литературного языка во второй половине XVIII—начале XIX в. Известно, что «высокий» и «низкий» стили представляли собою крайние, полярные разновидности литературного языка, отражающие разобщение его лексико-фразеологических, грамматических и стилистических средств; поскольку национально-языковая норма литературного выражения вырабатывается только при необходимом условии объединения этих средств на основе их переосмысления, перегруппировки и отбора, постольку делается логический вывод, что основные процессы оформления и становления общенациональных норм литературного языка в начале XIX в. в предшествующую эпоху протекали в рамках «среднего» стиля, который тем самым и признается источником дальнейшего развития русского литературного языка. Предполагается, что взаимодействие, взаимопроникновение и качественное преобразование элементов «высокого» и «низкого» стилей могли протекать только (или главным образом) в пределах «среднего» стиля, который и должен был лечь в основу единых норм литературного выражения. При этом рассуждения о роли «среднего» стиля имеют обычно слишком общую форму и не связываются с конкретным анализом стиля тех или иных авторов (за исключением, пожалуй, Сумарокова).

Между тем если взять, например, стиль «Жития» протопопа Аввакума или стиль од Державина, являющиеся — каждый для своей эпохи — ярчайшими и типичными образцами взаимовлияния и взаимопроникновения книжно-славянской и народно-разговорной стихий русского литературного языка, то вряд ли можно их квалифицировать как «средний» стиль. Ведь в «среднем» стиле действительно предписывалось «наблюдать всевозможную равность, которая особливо тем теряется, когда речение славенское положено будет подле российского простонародного». «Средний» стиль должен был отличаться «нейтральностью», отсутствием ярко выраженных особенностей «высокого» и «низкого» стилей. Между тем для стиля наиболее значительных произведений русской художественной и публицистической, а отчасти и научной литературы XVII—XVIII вв. характерно сочетание и взаимодействие элементов «высокого» и «низкого» стилей. Часть этих произведений — трагедии, оды, «прозаичные речи о важ-

ных материях» — написана, несомненно, «высоким» стилем, в котором народно-разговорные и просторечные элементы присутствуют стихийно и в относительно небольшом количестве. Но подавляющее большинство литературных произведений от середины XVII до конца XVIII в. — «Житие» Аввакума, повести, сатиры Кантемира, притчи и эпиграммы, проза сатирических журналов, комедии, «Пригожая повариха» Чулкова, поэзия (в том числе и оды) Державина, проза Крылова и Фонвизина — характеризуется стилем, который следует квалифицировать как «низкий» или — лучше и правильнее — «простой» стиль.

К «среднему» же стилю можно отнести лишь часть лирики XVIII в. (в частности, лирики Сумарокова) и часть научной прозы (в частности, научных трудов Ломоносова). Возможно, не будет ошибочным предположение, что «средний» стиль в истории русского литературного языка существовал больше как теоретическое понятие, чем как объективная реальность.

Когда мы говорим о роли того или иного из трех стилей XVIII в. в дальнейшем развитии русского литературного языка, то говорим об этом в известной степени условно, так как теория трех стилей Ломоносова не столько определила перспективы, сколько подвела итоги предшествовавшего развития русского литературного языка. В творчестве Новикова, Чулкова, Фонвизина, Державина, Радищева, Крылова и других писателей второй половины XVIII в. происходило разрушение системы трех стилей. Однако стиль этих писателей, несомненно, связан с предшествующей традицией, вырастает из нее, как и вся система русского литературного языка конца XVIII — начала XIX в. в целом. В этом смысле мы и говорим о том, какова была роль того или иного из трех стилей в выработке литературной национально-языковой нормы. Роль «среднего» стиля в этом процессе была крайне незначительной, поскольку он ни теоретически, ни практически не являлся ареной борьбы и взаимодействия двух главнейших исторических стихий русского литературного языка — книжно-славянской и народно-литературной.

В основе процесса разрушения системы трех стилей и становления общенациональных норм литературного выражения лежало усовершенствование, унификация и стабилизация «простого» стиля русского литературного языка. В результате вовлечения в систему «простого» стиля книжно-славянских элементов подверглись преобразованию не только эти элементы, но и сам «простой» стиль, который уже со второй половины XVIII в. перестал противостоять «высокому» стилю и лег в основу такой системы литературного языка, которая, хотя и имела еще твердых норм, но уже не расчленилась на три (а может быть, все же точнее говорить: на два) отделных потока. Именно из этой системы литературного языка, восходящей к «простому» стилю (а генетически — к народно-литературному типу), и вырабатывается в творчестве Пушкина русская национально-языковая норма литературного выражения.

Определенные нормы «среднего» стиля во второй половине XVIII в. нашли свое воплощение, как кажется, только в «новом слоге» Карамзина. И не случайно, очевидно, стиль раннего Карамзина был воспринят современниками как «новый слог». Это свидетельствует о практической неразработанности и непопулярности «среднего» стиля в предшествующую эпоху. Самый же «новый слог», стилистически бедный, лишенный как демократической простоты, так и книжной торжественности, оказался в стороне от главной линии развития русского литературного языка.

А. И. Горшков
(Чита)

Скрупулезное и всестороннее сопоставление лексики среднего стиля в произведениях Ломоносова, Сумарокова, Хемницера, отчасти Батюшкова и Державина с лексикой современного русского литературного язы-

ка приводит к выводу, что эта лексика без особо заметных изменений сохранилась до нашего времени, чего нельзя сказать о лексике высокого и низкого стиля. Лексика из произведений низкого стиля по преимуществу считалась в первом Рос. Акад. словаре 1789—1794 гг. просторечной. Та ее часть, которая вошла в литературный фонд современного языка, в современных толковых словарях этой ограничительной пометы не имеет.

И. К. Матвеев
(Барнаул)

*

В о п р о с № 8: «В чем заключается специфическое своеобразие соотношения и взаимодействия народнорусских и церковнославянских элементов в русском литературном языке XVI—XVII вв. сравнительно с белорусским и украинским литературными языками того же времени?»

В украинском литературном языке XVI—XVII вв., особенно после Люблинской унии 1569 г., существенное место занимают полонизмы — элемент, не игравший столь заметной роли в русском литературном языке. В некоторых произведениях этого времени полонизмы составляют 30—40 % языкового материала. Полонизмы признавались естественной частью украинского литературного языка. Например, проповедник второй пол. XVII в. А. Радивилловский, готовя к печати свои сочинения, вычеркивал некоторые украинские слова и вписывал вместо них польские.

В XVI—XVII вв. на Украине получил довольно широкое распространение так называемый «простой язык» — особая разновидность литературного языка, относительно свободная от церковнославянизмов, но содержащая значительные количества полонизмов. Показательны в этом отношении, например, «Апокрисис» Х. Филалета, произведения С. Зизания, проповеди Г. Галятовского и упомянутого А. Радивилловского. Резко изменился в это время и характер языка украинских деловых документов. Чисто восточнославянские, украинские по своему языку в XIV—XV вв., в XVI—XVII вв. они все более интенсивно насыщаются польскими словами и оборотами. Процессы эти были исторически обусловлены как естественными украинско- (равно и белорусско-) польскими контактами, так и, особенно, насильственной полонизацией, которую проводила польская шляхта на захваченных ею землях.

В течение XVI—XVII вв. в украинском литературном языке наблюдается широкое вторжение полонизмов, постепенно ослабляющее роль церковнославянской стихии. Можно думать, что распространение полонизмов было на Украине одним из основных факторов, ослабивших значение церковнославянизмов для литературного языка. Здесь следует различать фактическое состояние литературного языка и оценку этого состояния современниками. Выдающиеся полемисты И. Вишенский и З. Копыстенский создавали восторженные гимны церковнославянскому языку, однако сами в своих сочинениях нередко вместо церковнославянизмов употребляли полонизмы и латинизмы, пришедшие из Польши. Четкое вначале стилистическое различие церковнославянизмов и полонизмов во многих произведениях утрачивается. В литературном языке постепенно отпадает необходимость функционально дифференцировать иноязычные элементы соответственно их происхождению. В результате полонизмы стали выполнять в украинском литературном языке XVI—XVII вв. многие функции церковнославянизмов, уделом которых остались, в конце концов, православная церковь и церковная торжественность. Исключения, подобные «Синописису» И. Гизеля (1674 г.), немногочисленны. В белорусском литературном языке этого времени происходили сходные процессы. В русском литературном языке XVI—XVII вв. указанный фактор отсутствовал, в связи с чем церковнославянизмы сохраняли там прежние прочные позиции.

Следует добавить, что полонизмы в украинском литературном языке не пустили прочных корней. Живому народному языку они всегда были чужды, о чем свидетельствуют песни о Стефане-воеводе, записанные до 1571 г. чехом Я. Благославом, и интермедии, написанные с умыслом копированием живой украинской речи поляком Я. Гаватовичем (1619 г.). В XVIII в., когда польское влияние ослабло, полонизмы выпали и из литературного языка. Однако перед этим они сыграли свою роль в устранении из литературного языка церковнославянизмов. Национальный украинский литературный язык, существующий со времени И. П. Котляревского, не включил в себя, таким образом, в значительных дозах ни полонизмов, ни церковнославянизмов. Последним он отличается от русского литературного языка.

Ю. А. Карпенко
(Черновцы)

По мере развития русской художественной и публицистической литературы все более назревала необходимость в обогащении литературного лексикона новыми выразительными словами экспрессивного характера, которые были бы не слишком обыденны, но в то же время понятны читателю. Таковую роль стали с течением времени исполнять в русском литературном языке «славянизмы», достаточно известные русскому человеку за многие века их литературного использования. На Украине и в Белоруссии старинной литературной традиции использования славянизмов не было, так как художественная и публицистическая литература здесь появилась сравнительно поздно; знакомства же со славянской лексикой, получаемого в церкви, было недостаточно для перенесения этих слов в литературный язык. Украина и Белоруссия, находившиеся в продолжение трех веков под властью Польши, достаточно широко усвоили польскую лексику; в функции свежих экспрессивных слов здесь стали употреблять полонизмы, приобретшие роль, аналогичную роли славянизмов в русском литературном языке. В большинстве случаев воспринятые славянизмы и полонизмы изменялись семантически или морфологически.

И. К. Матвеев

*

В о п р о с № 5: «Чем объяснить усиление влияния и расширение функций деловой речи в стилистике древнерусской литературы XVI—XVII вв.?»

Разрыв между языком художественной литературы, сложившимся к концу XV в. на Руси, и живой народной речью выдвигал в XVI в. и в первой половине XVII в. потребность сближения этих разновидностей русского языка. Преодоление разрывов такого рода вообще характерно для истории письменных литературных языков. В условиях XVI и XVII вв. преодоление возникшего разрыва могло идти лишь по пути сближения языка художественных произведений с народной речью (а не путем сочетания первого процесса со вторым, как это могло иметь место позднее).

Необходимость приближения языка художественных произведений к народной речи диктовалась, с одной стороны, общим требованием доступности и понятности литературы, а с другой, возникновением и развитием новых жанров художественной литературы — бытовой и сатирической повести, которые не могли развиваться без сближения языка литературы с языком повседневного общения. Немалую роль сыграло здесь и развитие научно-учебной литературы светского или хотя бы частично светского характера. И различные «хождения» в далекие страны, и «Домострой», и «Книга о ратном строе» (написанные, правда, отнюдь не одновременно) могли возникнуть лишь при условии близости их языка к народной речи.

Деловая речь, которой нельзя отказать в известной нормированности и в рассматриваемый период, была, очевидно, и в силу своей функциональ-

ной специфики, и в результате сложившихся на Руси условий ее развития близка к народно-разговорной речи. Именно благодаря этому деловая речь и могла служить до некоторой степени образцом для языка произведений светской описательной литературы. Расширение сферы использования деловой речи вело к разрушению прежних стилистических ее границ. Появлялись новые функции деловой речи. Вычленялась новая стилистическая разновидность — канцелярская речь. Происходила пока еще не слишком интенсивная, скорее стихийная, нормализация этой речи.

Воздействие деловой речи испытывали и собственно художественные произведения. Ведь языковыми источниками, на которые опирались создатели литературно-художественных произведений в стремлении сблизить их по языку с народной речью, были произведения устного творчества и произведения деловой письменности (особенно с расширением ее функций). Деловая речь, гораздо более близкая к народно-разговорной, чем книжная речь религиозных и философских сочинений, оказывает значительное влияние на язык художественной литературы, и более всего — на язык оформляющейся бытовой и сатирической повести.

Следует подчеркнуть, что канцелярская речь не может отождествляться ни с речью деловой, ни тем более с языком художественной литературы или живым разговорным языком. Это прекрасно чувствовали уже авторы XVI и XVII в., чем и объясняется появление первых пародий на канцелярскую речь, противопоставляемую таким образом народно-разговорной и литературно-художественной. (Пародии — это, кстати, тоже одна из новых возможностей использования деловой речи в художественных произведениях.) Появление речевых пародий свидетельствует о таком уровне языковой культуры, который характеризуется использованием стилевых разновидностей языка в достаточно определенных функциях. Было бы поэтому неверно говорить о простом смешении в художественной литературе литературно-художественного языка с деловой речью. Дело, очевидно, в более сложном процессе перестройки взаимоотношений между типами и разновидностями письменного и разговорного русского языка в XVI—XVII вв., связанного с расширением функций письменной речи. Эта перестройка явилась важной подготовительной ступенью для тех стилистических преобразований русского языка, которые произошли в конце XVII и первой половине XVIII в.

А. Е. Супрун
(Фрунзе)

*

В о п р о с № 12: «Как отразилось на процессах формирования системы национального русского литературного языка развитие стилей стихотворной речи в XVIII в.?»

Лингвистами-историками явно недооценивается роль Кантемира в развитии русского литературного языка. Скептическое отношение к его поэзии обычно во многом определяет и отношение к его языку. А между тем изучение языка Кантемира может пролить некоторый свет на ряд недостаточно ясных вопросов истории русского литературного языка. Если не принимать в расчет сравнительно небольшое количество искусственных словообразований в произведениях Кантемира, вызванных или потребностями рифмы, или отсутствием в культурном обиходе того времени нужного слова, то окажется, что основная лексика Кантемира относится именно к тому среднему стилю, о котором позже говорил Ломоносов. По нашим подсчетам, 70% лексики Кантемира является отобранной и отшлифованной национальной лексикой русского литературного языка и совпадает по значению и словоупотреблению с лексикой современного литературного языка. На этом основании можно было бы полагать, что язык Кантемира сыграл важную роль в становлении и формировании русского литературного языка позднейшего времени.

И. К. Матвеев